

Подколесин-96

РОЛИ

Александр СВОБОДИН

Нет, что ни говорите, а театр — тончайший аккомпаниатор времени. Вот уж, кажется, развеселая материя распространится на сцене — и пляска тебе, и хоровод выплывающих пав, и задушевный романс, и протяжная "Разлука", и даже карнавал женихов с чечеткой, и все такое прочее, поражающее радостными неожиданностями и направляющее наши утомленные души в страну театрального удовольствия, прочь, подальше от тягостных раздумий. Ан, нет — потянется откуда-то из угла и незаметная поначалу, и пойдет поперек действию, смущая нас неподвижным своим взглядом меланхолия. И грустно делается на сердце, и вспомнится: "Скучно на этом свете, господа!"

Имя этой меланхолии — Подколесин.

Зазвучала она исподволь и будто не в унисон прочему действию в спектакле Театра на Покровке "Женитьба", поставленном Сергеем Арцибашевым.

В роли Подколесина — Игорь Костолевский.

В последние двадцать лет гоголевская пьеса из почти водевиля перешла если и не в разряд трагедии, то трагикомической притчи. Решающим импульсом тут явилась знаменитая постановка Анатолия Эфроса в Театре на Малой Бронной в 1975 году. После нее уже невозможно представлять на подмостках нечто мило комическое с трюками или привычными мелодраматическими ходами, изображать хрестоматийный "смех сквозь слезы". Требуется нечто большее, другое.

Это другое и неожиданное и предстает в том "надмирном" тягучем мотиве, в замирающей до полной энтропии мелодии, что являет собой образ Подколесина.

Артист почти недвижим, даже редкие

смены положений его тела кажутся неподвижными. Как на застывшей речной глади не видно течения воды. Но движение есть! Почти тайное движение взгляда.

Редкий случай самодостаточности мечты, не требующей воплощения. "Может быть, он говорил, не хочет ли барин жениться?" — вопрошает Подколесин слугу и сладко так улыбается, жмурится, как кот при легком поглаживании.

Ах, если б можно было жениться, не двигаясь с места, говорит его взгляд, если б можно было!..

Интересно следить за лицом артиста, за

разнообразием неподвижностей, которое передает всю гамму состояний Ивана Кузьмича, следить, как где-то на дне его души сменяются мысли и чувства. Оторваться нельзя!

Больше всего Подколесин не то что боится, не хочет, изначально не хочет перемен. Предвидит усталость, что посетит его при переменах. Он идеально достаточен сам себе. Время от времени его посещает счастливое отсутствие желаний, и он погружается в свою нирвану. При этом Подколесин вовсе не глуп. Как это ни парадоксально, у него богатый внутренний мир, и всякий раз, как включается он в действие, следовать за движением его ума (или, вернее, за отсутствием движения), право же, увлекательно.

Он завершен, Подколесин Костолевского, закончен, отлит. Он философ, знает цену действия, на которое все время его побуждает Кочкарев (Михаил Филиппов), воплощающий пустоту вечного движения. Подколесин не пуст. Он мудр, он, если угодно, стоик. Вспоминается из Марка Аврелия: "Не начинай никакого дела, не спросивши себя: чего именно я хочу достигнуть, не буду ли я сожалеть о своем поступке?"

Девичий "хор-хоровод" (выплывают расписные!), антре женихов, солисты-виртуозы — Жевакин (Р. Джабраилов), Сваха (И. Ульянова) — это все один лагерь. Оторвавшийся от него Кочкарев Филиппова — точно солист кордебалета, играющий в стиле бурлеска свое "вечное движение". Таков мир, врывающийся в одно прекрасное утро в терем Агафьи Тихоновны.

Но что же Подколесин? Выпадает из ансамбля, играет на своем особом островке?

Ни в коем разе! Стоит лишь мысленно вычестить из спектакля этого Подколесина, останется изобретательное действо с некоторым даже музыкальным переизбытком, увеселяющее нас, жаждающих увеселения, но... исчезнет то **другое**, чему нет

названия, но на чем и держится серьезность спектакля.

Подколесин — Костолевский ведет непрерывный диалог с "тем" миром. Он его оттеняет, опровергает, он ему противостоит, как корифей античному хору. И вдруг становится очевидным, что в противостоящем ему лагере действующих лиц тоже прорывается подколесинское начало.

Встретив сваху, Кочкарев с великой тоской в голосе вопрошает: "Ну послушай, на кой черт ты меня женила?" А Агафья Тихоновна (Елена Стародуб), соединив с Иваном Кузьмичем руки и отойдя от него так, что пальцы "жениха" и "невесты" едва касаются друг друга, замрет в истоме, взгляд ее остановится, и мы поймем, что счастливее этого мгновения для нее ничего уже не будет. Ах, если б навеки так было!..

Сложный это спектакль, многослойный. В Подколесине, каким он предстает в нем, и обломовское слышится, и чеховская "Скучная история" в отдалении звучит...

Игорь Костолевский — из ряда наших "звезд", актер канона юношеской романтики, герой знаменитой кавалергардской баллады из фильма "Звезда пленительно-го счастья", политического детектива "Тегеран-43" и множества еще фильмов, тем не менее на сцене своего Театра имени Маяковского сыграл немного. Значителен был его Парикмахер из давнего спектакля "Смотрите, кто пришел" — энергичный предтеча "новых русских", появившийся на сцене, когда и понятия такого не было.

В спектакле другого театра артист показал, что владеет и разнообразием мастерства, и глубокими душевными накоплениями, а не только столь часто шедшей в дело превосходной внешностью и природным обаянием.

Явление это — художественный успех на "чужом поле" — симптом последних сезонов. Что ж, повод для раздумья...

Фото В. АХЛОНОВА

И. Костолевский — Подколесин

Культура. — 1996. — 8 июня. — С. 12.